

Федор Метлицкий

Путь Сизифа

16+

Федор Федорович Метлицкий

Путь Сизифа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074502

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои книги, интеллектуалы и обычные работники госкорпорации, никогда не искавшие смысла своей жизни, участвуют в «стартапе». Наставник из «Голубой кремниевой долины», одетый в серебряный комбинезон, как у инопланетянина, должен поднять патриотический дух перед новой угрозой мировой войны. Однако он помогает им, ощутившим неподъемный груз судьбы, взобраться «на гору Сизифа», откуда видны истоки и смыслы жизни, разбудить в них личность.

Содержание

2	10
3	17
4	24
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Федор Метлицкий

Путь Сизифа

Когда пришел Бог смерти,

Сизиф обманул его, заковав в оковы.

Перестали тогда на земле умирать люди.

*За нарушение закона он осужден вечно вкатывать
на высокую, крутую гору громадный камень.*

Миф о Сизифе

1

Беда в том, что мне не с кем поговорить. Разговаривать – это с кем угодно, а вот поговорить не с кем. Ушли друзья: кто умер, а кто – умер для меня.

Я работаю во всемогущей государственной Корпорации, естественным путем проникшей во все отрасли экономики и определяющей политику, как «партия власти». Она укоренена в нашем сознании, как могучий стройный черешчатый дуб в детском парке у моего дома, неизбежно стоящий на невидимом сплетении корней. Нам, работающим, она кажется естественным укрытием от любых невзгод.

*Есть прочность безмятежная в делах,
во всем, чем люди заняты в эпохе.
Как слит с уборкой комбайнер в полях,
как с чувством общего «дела» снимают с полки!*

Корпоративный Кодекс (*staff handbook*) гласит:

«У нас работают удивительные люди, смелые и влюбленные в Корпорацию. Все мы любим друг друга, и любим Корпорацию».

«Каждый приносит свою долю прибыли, и вся прибыль – для каждого. Вкус успеха не забывается. Успеха добиваются раз и навсегда. Успех – прекрасен! Люди мечтают о встрече с нами!»

«Будь патриотом. Каждый сотрудник является патриотом Корпорации. Преданность и благодарность – его девиз

«Крепкая семья является залогом процветания Корпорации».

«Уважай власть. Власть – необходимое условие для благополучного ведения дел. Во всем должна быть иерархия, сказал Конфуций».

И еще: «Люби и уважай человека. От каждого выжимай по способностям, отдавай по труду. Если любви не дождешься, создавай терпимое отношение к себе».

Все это у нас есть.

Только, вот, поговорить не с кем.

Чужая беда никому не нужна. Чужая слеза – вода, как говорила моя бабушка.

Земной шар загадочно дрожал, медленно двигаясь по своей личной орбите.

Всесильная Корпорация жила своей слепой жизнью, выполняя президентские указы.

Я был руководителем сектора. Мы старались выполнять свою частичку дела. Мне казалось, что наши задачи наложены на сырую реальность, которую нельзя охватить никакими постановлениями.

Ввиду полученных установок, рассчитанных на среднюю температуру по больнице, мы не могли чем-то помочь конкретным людям, ибо это было вне планов, и надо было хотя бы успеть отчитаться.

Поскольку у служащих не было личной заинтересованности в работе, у них было много времени, они большей частью болтали на производстве. Главным было желание существовать сытно и вечно, в неосознаваемом страхе нищенства, а также забота о родственниках, которых не могли потерять.

Среди чужих забот моим заботам не было места. Я хотел быть нужным народу, честно выполнять свою работу. Я был

из тех, кто находит заботы на свою задницу, чтобы обрести смысл существования и не провалиться в депрессию. Этот смысл был – везти неподъемную телегу работы, на которой и сидят мои болтливые сотрудники.

Мы проводили большую часть жизни на работе. Сотрудники делали свои ограниченные дела, ожидая зарплаты, а я чувствовал страшную ответственность за порученное дело, ездил на места, чтобы сдвинуть с мертвой точки неповоротливых чиновников, боящихся только высшего начальства, и писал бесконечные отчеты, отчеты...

И у меня возникали безнадежные мысли.

Легко служащим и лентяям – любить жизнь, будучи в стороне. Но что делать тому, кто попал в страшные будни дела, где надо дисциплинировать, где интриги бездельников-эстетов, и надо лавировать, тащить дело, а эффективности нет, и надо идти вслепую, набивая шишки и набирая опыт, который не применить. А по вечерам мучительно отходить, возвращая себя в высоты духа. Чтобы завтра пасть снова.

Жена упрекала:

– Чего тебе не хватает? Высокого? Дурак!

Она не понимала меня, и мне было беспокойно, что она остается одна, и будет молча нанизывать обиду на общий счет.

Я приходил к выводу, что трагедия человечества – в устройстве самой экономики, управлении производством.

Там идет борьба за интересы, а не за человека. В 90-е прошлого века критики видели провалы в действиях правительства из-за того, что сонмы аппаратчиков все поворачивали к своей выгоде. Программы переставляли акценты (либерализация впереди приватизации и т. п.). Все вязнет в этом эгоизме, недалекости, выше наше невежество не может подняться.

Призывы к иному устройству, где все близки один другому, свободны от ига необходимости, государства, и личность должна быть на первом месте, а государство – для нее, – этого бы не поняли голодные и тревожные люди. Поняли бы того, кто практически даст хлеба и зрелищ.

Неужели ужасный подавляющий мир – нужен, так как дает минимум для выживания, за ним надежнее, чем в хаосе? Страшно выйти на сквозняк одному, вертеться, думать, как выжить.

Возможно, это неизбежно, человек не может жить в ином измерении, ибо ему надо питаться, выживать, существовать и преуспевать. А это значит – непримиримость в борьбе за материальные блага, ненависть к другому, выхватывающему изо рта кусок.

*Как глубоко работы завели
В тупик самоустройств – во влажной бездне,
И я – всей сутью с влажной бездной слит —
Уперся в миг искусственный и тесный.*

*Собрания – гасители свобод,
Обязанность энергий в сеть замкнуться.
Как ясность их решений и забот
Пред бесконечным постижением – узка!
Зачем дыханью космоса заслон
Сознания торопливых предписаний?
Не может жизнь быть рождена на слом
И не узнать – каких она посланий.*

2

В детстве я жил на краю влияния Корпорации, в стороне от великих событий, которые затронули всех живущих в центре страны, – на окраине планеты, открытой на все четыре стороны света. Вместе с классом приплывал на катере к заливу, где стояли высокие утесы. Карабкался на вершину самого высокого, где не ступала нога человека, только гудел ветер, пригибая высокую траву.

Я с восторгом и безнадежностью сливался с открывшейся бездной океана, неразличимого с небом. Наверно, оттуда с древности у людей зарождалось религиозное чувство. И чувство недостижимости полного душевного исцеления.

Во мне – был бесконечный океан ласковых могущественных звуков откуда-то из иного мира, блещущих вблизи свирельными переливами зелени, а вдали увеличивающихся в бесконечный хорал вселенной. То же чувство, что и у моих школьных друзей: бесконечная новизна космоса, чего не бывает в нашей жизни. И все та же недостижимость исцеления.

Возможно, такой могла быть несбыточная мечта взрослых аборигенов, но они отринули ее как ненужную, вечно занятые рыбной страдой в море, хлещущем в лицо, прикрытое капюшоном черной лоснящейся робы. Или солением в бочках горбуши, нежных брюшков и красной икры в оболочках.

Или копчением на солнце тушек, развешанных по бревенчатым стенам жилищ, с потеками жира. Восхитительный нежный вкус – воплощенная в реальность мечта!

В этой оболочке самозабвенного существования люди отринули все несбыточное, где мерещится полное исцеление.

Я писал стихи, но это были какие-то черновики. Мог легко выливать из себя бесконечные строчки – они всегда казались новыми, ибо в каждом стихотворении была недоговоренность. Наверно, так блаженно чувствовал себя мой щенок. Хотя в моих стихах было неподдельное отчаяние.

*Мир собачки, младенчески чудный —
Не из наших серьезных корней,
В том краю позабытом, уютном,
Как в раю, где страдания нет.
Погружусь в эту шейку родную,
Теплый мех не напомнит ничто.
Сквозь эпохи – какую кривую
Прочерчу я? И где мой исток?*

У нас дома была, как во всех приличных семьях, библиотека, на полках по всей стене. Это было окно в другой мир, прорывавший грубую пленку существования. Там был безмятежный мир Тома Сойера, на другой стороне планеты. Таинственно-грозный подводный мир капитана Немо, говоря-

щий о безнадежном одиночестве вне человечества. Ложась на сердце всемирная грусть о «небе в алмазах» все понимающего Чехова.

Наверно, классика заложила во мне душу, которую ранит любое равнодушие или жестокость, правда, тогда по отношению ко мне лично.

Драма жизни впервые вошла в меня, когда я влюбился. Это была светловолосая девочка из другой школы, с умными грустными глазами. Я украдкой следил за ней, наверно, полгода, но почему-то не мог подойти к ней. Она чувствовала мое присутствие. Однажды с внезапным отчаянием подошел к ней и бухнул:

– Пойдем гулять.

Она глянула на меня испуганно. Я повернулся и ушел.

Это было первое вхождение в реальность. Я понял, что во мне нет мужества, и еще предстояло научиться жить.

Помню, как уезжал из дома учиться в институте, испуганные лица родителей, поездку в аэропорт. Пурга за окном автобуса: циклон, одинокие холодные озера, и нужно очень хорошо защититься, чтобы ощутить обаяние этого одиночества вечности вокруг.

*Я транзитник я так устал от провинций гнетущих
Ясных идей, что нахватался навек,
Боли утрат, что не заменят тщедушное
Племя, и не зажжет спасительный свет.*

*Здравствуй, гулкий вокзал, откуда здесь запахи угля,
С детства бездомного мне открывавшие мир?
Как очистилось сердце в гуле иного посула,
Точно рождается новое между людьми!*

И потом – вовлечение в чуждую жизнь столицы, не признающей приезжающего покорять ее провинциала, хотя покорять я ее не собирался, а просто боялся.

*Это юность моя неприкаянным уютом кафе,
За потертым столиком гибельных ожиданий.
Как там хрупки дружбы в сиянии сфер,
И решается жизнь – прямо здесь,
в нетерпении жадном.*

Крутился в студенческой тусовке, гонимый страшным молодым одиночеством в немислимые приключения. Вплоть до риска гибели под плотницким топором ревнивого мужа изменницы-жены, от которого удалось спастись, перелезая через балкон к соседке.

Я просматривал дневники молодости. В основном они состояли из цитат великих (не афоризмов – не любил их из-за всеобщей распространенности), потому что пугался мыс-

лить сам, мои мысли оказывались чужими.

«Думал над «одной, но пламенной страстью» писателей, и снова – а что у меня? Записываю, смотрю внешним взглядом, внутренне равнодушный, радуюсь улочкам, обсаженным цветами, картошкой и огурцам на даче, небу закатному, воздуху, от которого по-детски пишется, – но внутри постоянно одно и то же: мысли обо мне и жизни, которых не сознаю. Но ясность где-то есть – и в увлеченном забытьи погружения в тексты классиков, и в витающем над садами и в закате глубоком смысле жизни.

Вот, читал Горького, улавливал стиль – чуть провидца библейского, и обилие тире, и понимание характеров героев его книг чем-то помогало мне понять себя. Чтобы выйти к себе, мне нужно усилие, огромное. Как сделал усилие он, маясь, ободранный средой, не покоряясь обстоятельствам. Первое усилие мое – взглянуть трезво на жизнь, и составить ясное представление. Это барьер, и даже его не могу перешагнуть».

И слушал тихо шуршащее во мне складывание моего «я».

«Снова вечер, окна настезь, и в них, из тьмы мелкие цепкие мотыли – на огонь. Перезвон звонков на железнодорожном переезде, и шумы и шорохи, синий неоновый свет сквозь ветви – соседних дач.

У себя наверху сижу за столом, чувствуя голой спиной прохладу, и почесываясь, мучительно думаю, что вот бы на эту сложность жизни, которую никак не могу замкнуть в це-

лое – взглянуть трезво, просто и гениально, и враз понять, что к чему».

«Не вижу цельности характеров всех, с кем встречался, что в них главное, определяющее, какую глубину диктует тот или иной «жест». Надо учиться этому, и отчаянно быстро, медлить нельзя».

«У меня нет воображения. Могу видеть ясно только встреченных конкретных людей. Что значит гоголевское: «Я пишу не из воображения, а из соображения»?

И тренировал зрение, зоркость, например: "Смотрю на кровать: она широкая, покрытая зеленым одеялом. Закрыл глаза: вижу зелень одеяла, оттенки серого, какие-то дуги. Снова присмотрелся: складок на одеяле много, в них тени. Стеганность, пуговицы, в одном месте порвано. Дуги спинки – сквозь серую ржавчину – никель, мазки масляной краски, тень слева гнутая. Закрыл снова глаза – и увидел настоящую кровать».

И не мог выйти за пределы знакомых вычитанных смыслов, горько ощущал, что они – не мои. Есть ли смысл вечно перепахивать все чужое, захватившее самое душу? Или смысл есть, и моя радость открытости миру не умрет во мне, найдет отклик в нем? А может, и не надо смыслов? Ясность – рациональна. Главное, наполненность любовью.

Позже я перестал читать все подряд, а искал только то, что могло разъяснить мои смутные мысли, и даже бессознательное во мне, которое все же ощущал.

Наверно, это и есть процесс учебы, без которой еще невозможно самостоятельное мышление. Но может ли наша догматическая школа зажечь факел в душе ученика, когда так трудно осознать себя даже взрослым?

Я продолжал "поднимать себя" стихами. Но если тебя не цепляют мелочи времени – метафоры его духа, то все твои мысли легко отрываются от земли. А мыслил я какими-то абстрактными "вознесениями духа".

И страстно хотел жить в центре главных событий эпохи. Не знал, что нахожусь внутри: разве мое детство было не в середине эпохи, а моя работа – не в гуще событий?

3

Я был близок со студенческих лет с Марком, менеджером департамента, вернее, испытывал некую расположенность и теплоту внутри, и кроме этого расположения между нами не было ничего общего. У него узкое, открытое лицо насмешника, с искорками юмора в глазах.

Марк не одобрял мою женитьбу на сокурснице.

– Ты с ней намаешься. Я, вот, никогда не женюсь.

Он романтик, поэтому боится связать себя семьей, ибо обрежут крылья такие тяготы, что помешают его неопределенному, но восхитительному предназначению.

Я не знал тогда, что так будет. Но я влюбился, как тогда выражался, в свое продление на этом свете, усиленное до предела природой, дарящей несказанное наслаждение, когда исчезает время и сама память. Женщины притягивают безумной тягой к потенциальному продлению, чреватой возможностью какого-то последующего бессмертия, красота только намекает на здоровую, прочную основу.

А проще говоря, мне страстно хотелось, чтобы она была постоянно со мной, чтобы ежедневно сжимать в объятиях ее желанное тело. И я любил ее испытанный метод психологического давления, управления мужчиной, который исполь-

зуют женщины.

Мы так привыкли друг к другу, что разговаривали пред-
метами. Например, она откладывала зубную пасту в сторону,
что означало: не трогай, это мое.

Но что тогда во мне свербит, как говорила бабушка? Что
мне еще надо, обладающему прекрасной девчонкой?

Может быть, хотелось чего-то нового? Мне чего-то не
хватало, как женатому Данте, тосковавшему по Беатриче.
Он пронес свое благоговение перед ее лучезарным образом
через все подземные и небесные сферы в толстенной «Бо-
жественной комедии», оставив новым поколениям смутное
чувство прекрасной иллюзии.

Все иллюзии рухнули, когда она заболела психической бо-
лезнью.

Мы с Марком, более нервные, чем сотрудники, не выдер-
живали и спорили между собой. Сотрудники прислушива-
лись к необычным речам.

– У тебя не бывает состояния мути в голове? – спрашивал
я Марка. – Как будто бесконечная стена тумана, где не видно,
куда ступить, и что делать.

– Ты что, гордишься, что у одного тебя? – отвечал он. – У
нас весь народ, как во сне.

– Я не об этом. Привязанный к чему-то крепкими цепя-
ми, перестаю чувствовать, что в меня кидают ножи – кто?

Неумолимая природа? Так называемое общество? Во мне нет острого неприятия этого морока. Словно это я виновен, как думают верующие, а не мир виноват.

И правда, чего здесь больше, вины сложившихся чудовищных условий нашего прозябания, или самого народа, не умеющего устроить нормальную жизнь? Как замороженный, вижу все натуральной картинкой, исчезают метафоры, то есть прояснение смысла в бездушной вещи.

В таком состоянии у меня в голове нет мыслей, никого не люблю. Неужели все люди так же плавают в тумане своего неведения, и делаются определенными, лишь когда зарываются в тепло близких и друзей. Как во мне, например, появляется смысл при общении с моей подружкой. Или в некоей расположенности к Марку.

– А ты обозлился, как после пощечины. Обнаружь себя перед обрывом – вот-вот рухнешь!

– Вообразил. Уже лучше!

– Я всегда на краю бездны! – вдохновлял сам себя Марк. –

И потому настороженно ясен.

– Зачем уж так, у бездны? – вмешивается Юдин. – Можно и без обрывов, спокойно работать.

Мы не знаем его имени, всегда его зовут по фамилии, неизвестно почему. У него подвижное лицо, и прячущийся взгляд, словно в глубине себя он не чувствовал твердого основания. Он служит в пресс-службе Корпорации. Страстно желая прославиться, приходит к нам с грандиозными идея-

ми объединения расколото́й нации – общими проектами, не терпящими конкретности, хотя за ними спрятана странная уверенность в успехе. В его проектах "задействованы" губернаторы, отраслевые начальники, которые и слыхом не слыхивали о своем участии.

Завхоз Матвей, увалень с крепкой приземистой фигурой и морщинистым лицом, вмешивается:

– Я, вот, тоже всегда ясен. И не вижу ничего плохого в этом.

Еще не старый бухгалтер Петр говорит добродушно, отрываясь от своих ведомостей:

– И потому глуп.

Он немногословен, не любит пустые разговоры. Перед ним сотрудники чувствуют себя нашалившими мальчишками. Им хочется похвастаться перед ним какими-нибудь успехами. Его авторитет непонятен, вроде бы ничего такого не делает.

Марк подначивает Матвея:

– Как ты, Мотя?

– Что, как? Хорошо живу.

– Запивает, правда, – отрывается от своих бумаг Петр. – И жену бросил.

– А что, деньги справно высылаю. Зубы ей вставил.

– Ничего, – возвращается к бумагам Петр. – Перемелется, мука будет.

Марк всегда вышучивал Матвея:

– В тебе остался комплекс старых представлений о морали и справедливости, как у злобного пенсионера. Может быть, это просто зависть? Узкое пространство внутри.

– Все свое ношу с собой, – огрызнулся Матвей.

Он сидел за своим стареньким компьютером, и удивлялся, когда на экране сами собой появлялись какие-то иконки:

– Глянь, вылетают рекламки. Завлекают, гады!

– Дурак, ты отключен от интернета, – смеялся Марк. – Это все встроено внутри.

Матвей испуганно отпрядывал, когда комп неожиданно заговорил голосом Алисы: «Чем могу помочь?»

– Налетели со всех сторон! Откуда?

Он надеялся компьютер сверхчеловеческой силой. От него прятали свои компы, чтобы он не порушил файлы.

Матвей четко различает, где его мировоззрение, почерпнутое из телевизионной пропаганды, и где чужое – враждебное, пятая колонна, которая прикрывает свои интересы словами о родине. В нем есть что-то неистребимо цепкое, расчетливо холодное. У него есть семья в родном селе.

Вошел некто, в блейзере с фирменной эмблемой, надетом на плотно прилегающий серебристый тренерский костюм, что-то похожее на водолазный, или комбинезон инопланетянина. Невысокий, худой, лысый, с жидкой бородкой дьячка, с усталым взглядом и морщинистыми складками на высоком

лбу. Что-то в нем хрупкое и нездешнее.

Он интеллигентно вмешался:

– Ясность бывает только у познавших все. Но таких нет. Наиболее беспокойные ищут себя. Радикалы, либералы, диванные оппозиционеры лезут в драку, убежденные, что знают все.

По акценту, явно иностранец. Марк обрезал его:

– Это еще что за мудрец?

Матвей одобрительно заржал:

– А зачем мне из кожи лезть? Всего равно всего не познаешь. В природе, например, нет самопознания. И живут – птички, звери, растения. Вот где мудрость!

– Это верно, – солидно подтвердил бухгалтер Петр.

Юдин сгладил грубость товарищей:

– Да, наша беда – во второй сигнальной системе. Оно изобретено человечеством, чтобы исхитриться выжить и победить все остальное живое. С животными нас роднит то, что мы принимаем к лохани настоящего, сиюминутного настолько, что уже не нужна память, выработанная веками мораль, прошлое и будущее. Ведь, прошлое – это кладбище надежд.

Пришедший усмехнулся.

– И что же, счастливо ли такое существо? На свете счастья нет, но примирение и мудрость можно искать только на пути самопознания.

Матвей заволновался.

– Да, в моей жизни нет счастья. Может, научите, как туда

пройти? Понимаю, надо самому, но если не знаю, куда идти?

Я поддержал иронический тон:

– Надо поверить, иметь цель. Все находят свои цели, и они не позволяют пасть духом.

– Короткие цели, – сказал Марк. – Типа дотянуть до следующей зарплаты.

– Зато коротких целей много, и они не дают разочароваться.

Иностранец смотрел на нас, понимая, что мы воспитывались каждый в своем медвежьем углу, где не было иных целей, кроме удовлетворения потребностей семьи и предписанного труда на благо родины. Он, наконец, представился:

– Я из Инновационного центра "Голубая кремниевая долина". Работаю в программе «Духовные практики народов Земли с древних времен до наших дней». Хотите понять смысл жизни? Быть умнее? Поработаем?

Когда он напрягал мысль, то казался сосредоточенным, готовым вгрызаться во что-то, чтобы найти истину

Мы отвечали как-то неопределенно. Кто он такой? Не шпион ли?

– На свете счастья нет, – меланхолично сказал Марк, – но есть покой и воля.

– Давайте пройдем этот путь.

4

Только что отгремел корпоратив в честь 40-летия создания Корпорации, где лились рекой спиртные напитки и деньги для приглашенных звезд, и мы утром продирали глаза опустошенные, не видя смысла делать что-то еще.

На корпоративе мы встретили того, кто вмешался в наши споры – с пролысиной и редкой бородкой дьячка и усталым взглядом, в инопланетном тренерском костюме.

Он действительно один из «магистров» инновационного центра, которые должны проводить занятия для сотрудников Корпорации, долженствующие поднять наш дух, повысить ответственность за родину. Перед угрозой новой мировой войны требовалась мобилизация всех сил для защиты родины, а часть служащих разболтались во время застоя, ненадежны, и – боже упаси! – оппозиционеры, бегающие на митинги. Так было сказано в приказе, который он нам предъявил.

Корпорация посылала нас на стажировку.

Группы собрали по одному принципу: у всех слушателей должна быть нелегкая судьба. Неудачники с пониженной энергией жизни из-за нелюбимой работы, потерявшие веру в будущее, с шаткими убеждениями, угрызениями совести оттого, что бросили семью, оппозиционеры, не верящие во

власть. В общем, люди со своими скрытыми драмами и трагедиями, хотя с виду все довольные собой. Да и у кого нет скелетов в шкафу?

Все мы были потерты жизнью, кроме моего друга Марка, легко переносящего трудности, и перестали куда-то стремиться, обжегшиеся горьким опытом. И со временем стали забывать горечь неудач, удовлетворяясь сегодняшним днем.

Почему люди хотят забыть горький опыт?

Чтобы жить, вырабатывается беспамятство, позволяющее равнодушно видеть со стороны испытанную боль. Многие привыкают жить без мыслей, видя, как в фотоаппарат, окружающее, не вызывающее волнений мысли. Бездумно верят в то, что говорят в телевизоре. И не надо волноваться за свою судьбу, как будто за их спинами всегда есть некто всемогущий, кто защитит и накормит. Теряется чувство временности существования. Не видят ничего нового. Ведь, новизна – это уход из застывшей реальности, риск иных измерений.

Как раз таким не требуется внушать ответственность за родину. Они и так с радостью патриотов пойдут на убой.

Нашу маленькую группу отправили куда-то в лес, в Центр инноваций "Голубую кремниевую долину". К нам присоединили журналиста Юдина – для освещения процесса укрепления нашего духа.

Куратором нашей маленькой группы, или магистром был тот иностранец, теперь уже не в прилегающем спортивном комбинезоне инопланетянина, а в черной мантии судьи на процессе, а может, древней тунике. Он представился:

– Мой стартап, чем мы займемся, называется «Путь к смыслу».

Это был коттедж в густом лесу, как будто в засекреченном месте. Аккуратный деревянный дом из тесаных золотистых бревен с электронной начинкой, предоставляющий всяческие удобства и позволяющий отдалиться учебе без всяких препятствий.

Усадьба с садом окружена забором из железной сетки-рабицы, наверно, для того, чтобы никто не убежал, не научившись быть ответственным за родину. На одной стороне за сеткой – густой лес, в глубине которого страшно и тоскливо остаться одному. А другая сторона упирается в высокий утес, закрывающий небо, за ним ощущается невидимая бездна. Как нам сказали, там полигон, называемый "Путь Сизифа".

– Слушатели тренируются, стремясь попасть наверх с "грузом прожитой жизни", очень тяжелым, но нематериальным. Наверху груз делается легким, как пух.

Ну, ну!

Наш инновационный "умный дом" казался живым, здесь автоматизированы системы отопления, освещения, снабже-

ния и безопасности, обслуживающие роботы и гаджеты служат и прислуживают без тени зависти или желания плюнуть в тарелку, – только чистое, пусть и искусственное, расположение, служение нам. Создание креативщиков, отделивших искусственную доброту от живого чувства.

Занятия проводились в большом светлом классе, увешанном по стенам портретами великих людей, с рядом деревянных лакированных столов перед подиумом, на котором стоял стол преподавателя, а за ним на стене черная грифельная доска. В высокие окна подступали темные ветви густой чащи, чудящейся за ними. Магистр, в черной мантии, поздравил нас с началом занятий, и неожиданно строго, как закли- натель, предупредил:

– Итак, вначале было слово! Чтобы укрепить дух, вы должны полностью сосредоточиться, погрузиться в пространство мыслей, излагаемых моим голосом. Устраните все копошащиеся пустые мысли, коими набиты ваши головы, тянущие в мозги что попало, как дети в рот.

И продолжил:

– История говорит нам, что люди в массе не меняются. Не особенно ушли от древних, которые за порогом пещеры видели шевелящихся существ – демонов, чужие племена, готовые ворваться и вырезать всех, не щадя женщин и детей. Страшно! Или замыкались, как американская протест-

стантская секта амишей, изолировавшая себя от цивилизации, даже громоотвода нет, ибо молнии – божья кара. А у некоторых еще остается сознание неандертальцев.

Мы, слушатели, удивились такому началу. Журналист Юдин поддакнул:

– Мы рождаемся, живем в чудесном ореоле надежд, и умираем разочарованными, уходя в никуда.

Я усмехнулся:

– Кто знает, не альтернатива ли это мировым угрозам. Может быть, там больше счастья, чем в мире, где "в глубоком знанье жизни нет".

Все засмеялись. Марк продолжил мою реплику:

– А как счастливы наркоманы, алкоголики, и все убегающие от проблем. Только не тяжелый труд и борьба!

Магистр недовольно глянул.

– Человечество часто голодало во время великих походов, умирало от чумы, пластами лежало на соломе. То, что историки бесстрастно называют массовым вымиранием. Как говорят философы, чувство «оставленности» в отчужденном мире преследует нас. Человеческие тела – не нечто просто материальное, а потенция, поиск чего-то невозможно близкого, продления себя. Наша с вами цель – искать выход из присущего человеку чувства "оставленности". Окрылить себя творческим порывом, найти смысл жизни.

Он поднял палец.

– Условие первое. Нужно иметь для этого потребность.

Философ Мамардашвили писал: творчество жизни – это усилие. Вечное настоящее – динамическое бессмертие – осуществляется путем напряженного свободного усилия, внутренним действием над собой.

Я подумал: видимо, у него немодное пристрастие к философии. Особенно к философам-экзистенциалистам. Объективная наука возвращается к субъекту, из которого и произошла. Она сейчас не мыслится без гуманистического аспекта, то есть познания человеческого сознания.

– Почему же в современном мире отсутствует потребность что-то менять в себе? Не говоря уже о вашем сообществе?

Отвечали вразнобой.

– Люди заняты добычей пропитания.

– Желание комфорта – из страха. Выживание стремится к комфорту.

– Обычная лень души. Недоброжелательность к другим народам, к пятой колонне – из-за нежелания менять безопасную жизнь, на которую те покушаются.

– Оступение – необходимо организму. Так он отдыхает от стрессов.

– Нависает Система: шаг влево, шаг вправо...

– У людей нет цели. Пропало желание мечтать – впереди тревожно и пусто.

Магистр заинтересованно слушал.

– Это трудный вопрос. Философ и биолог Пьер Тейяр де Шарден, рассуждая о возникновении разума, утверждал,

что цивилизация тыкалась ощупью, методом проб и ошибок в двух направлениях. Линия млекопитающих, взошедшая на вершину человека, открыла путь индивидуального разума. Но была и облегченная альтернатива – никуда не карабкаться, а отдаться "коллективному разуму". Один муравей не обладает разумом, но муравейник способен вырабатывать стратегии и следовать им, добывая пищу и отстаивая свои интересы. Эта линия тоже живет в человеческом муравейнике.

– И что тут плохого? – засомневался завхоз Матвей. – Входишь в русло – и незачем думать. Вместе – победим.

– Это добре, – кивнул бухгалтер Петр.

– Человек системы обладает коллективным разумом. Ему не нужна истина. Нелюбовь к истине – это пренебрежение своей внутренней жизнью. Роевой человек не хозяин в своем доме. Пренебрежение собой неспособно относиться всерьез ни к чему. Он фальшив, не верит себе, а значит и богу, живет в одномерном пространстве, без истории, без будущего. Доходит до ненависти к мысли. Это говорил уже другой философ, Ортега-и-Гассет.

– А вы, профессор, никак философ? – осведомился Марк.

– Увы, я собиратель.

– А причем тут люди и разум муравейника? – не понимал Матвей.

– Обычно люди подчиняются жесткой структуре организации, в них течет ясное рациональное сознание, и это го-

раздо легче и спокойнее, хотя часто вскипает обида на насилие, обычно от самой организации. Рабство чисто психологически переносится гораздо легче, чем свобода. Это освобождение от тяжести ответственности решать самому. А коллективный разум бюрократии, колонии чиновников вырабатывает стратегии, нужные, чтобы существовать и добывать пищу. Гарантией самосохранения чиновников является способность улавливать на уровне интуиции некие дуновения сверху. Суетня добывания пищи всему муравейнику, от которого муравьям перепадают крохи, не позволяет поднять голову, чтобы задумываться над чудом вселенной. Но, ведь, чудо существует! И планета – вертится!

Матвей возмутился:

– А зачем тогда вы даете уроки просветления, если не верите в него?

– Дело еще сложнее. Народ всегда остается зомбированным кем-то. Не властью, не системами, даже не пропагандистами в медиа. Дело в нем самом, окопавшемся в Домострое, не желающем ни смерти, ни опасных изменений, ни перемен. Он зомбирован кем-то гораздо более могущественным. Это заложенный природой сокрытый механизм заставляет метить мочой свои территории, скалиться в защите, и рвать зубами питательных себе подобных, ради выживания. Его жаждущее чрево продолжает хищнически захватывать лучшие поляны и лучшие технологии для ублажения тела. Насытившись в своем лежище, он не умеет и не желает вый-

ти из темных сводов своей пещеры.

– Так все живут! – возмутился Матвей – Не вам со своим уставом...

– Хорошо бы жить лучше, – сказал немногословный Петр. – Да не все ладно делается.

Он как будто несокрушимо слит с народной верой в страну. И хочет понять, что сейчас происходит.

– Муравьи не понимают своего положения, – продолжал зомбировать нас Магистр. – Но вы, люди, обладаете разумом, как и мы, а существуете, как муравьи! Меня это поражает.

– А что делать? – вскричал Марк. – Есть один выход избавить людей от патернализма. Мы предлагаем развивать местное самоуправление.

Матвей вмешался:

– А если в самоуправлении будут жульничать? И выбранные начальники сделают все, чтобы остаться «на кормлении».

Магистр остановил нас жестом.

– Людям уютно жить в привычной обстановке. Безумный Сальвадор Дали говорил, что Традиция непобедима, – как вода истории, взметенная революциями, снова успокаивается. Стоячим водам Традиции не надо куда-то течь, ибо она справляется и без этого, отражая вечность. Конвульсии революций нужны лишь затем, чтобы дать новую жизнь Традиции. Революции, попирающие Традиции, сами становятся традицией, ее зияющей пустотой. Несокрушимые и стойкие

вещи, – провозгласил Дали, – знаки вечности. Власть зримого и осязаемого – что́ перед ней эфемерная суетность идеологии? Все преходяще, а вот этот комочек пыли – вечен в космосе. Вне истории, сильнее ее.

Ну, да, это так. Нас не колыхало.

– Но вы же хотите борьбы и побед, правда, лежа после работы на диване перед экраном в щекотке наслаждения от собственной безопасности. Потому что подозреваете – в борьбе подлинная жизнь, не болото, там осознаешь смыслы. Правда, это внешняя борьба, как в "любимых народных" телесериалах. Не сознаете, что главное – настоящая титаническая борьба – с самим собой. Моя задача – поднять вас с диванов, но не за тем, чтобы включиться во всеобщий мордобой, а чтобы попытались понять, откуда душевная лень, и как ее лечить? Разбудить эмпатию, понимание других, как понимаешь себя.

– Это еще зачем? – оборвал Матвей. – Люди и так обладают этой... эмпатией, делают добро и без того. Мы исходим из защиты граждан, отечества. Зачем огород городить?

У самого Матвея не было желания подать кому-то копейку, обычно оборванцам на улице, он успокаивал совесть: все *они* – лентяи, не желают работать.

Магистр отозвался:

– Нет отдельно идеальных людей, делающих добро, и злодеев.

– Как это? – спросил Матвей. – Нет злых людей?

– Да, есть люди, попадающие в разные обстоятельства, вынужденные делать выбор.

Магистр решительно пояснил:

– Добро и зло – понятия относительные. Деление на борцов за добро с кулаками и на космических злодеев – это искусственная сублимация отдельно добра и зла, чего на самом деле нет. Дело не во врожденном добре одного и порочных наклонностях другого. Преступник ничем не отличается от нормального (не беру закоренелых бандитов), просто попадает в ненормальные условия. И выбирает что-то спасительное или выгодное для себя. В жесткой системе легко стать преступником. Выйди из строя – и под суд.

– Но система нужна, – возразил Петр. – Законы там. Они ограждают от зла.

Магистр посуровел.

– История показывает, что все народы нормальные, но почему-то враждуют друг с другом. Каждый народ видит в другой нации, непохожей на него, чужое, ось зла. Вся беда в том, что вопреки общепринятому мнению, сами народы хотят мира только на своих условиях. Им, зомбированным тотальной пропагандой империй, хотелось все же сначала победить, а тогда уж аплодировать наступлению вечного мира. Враждебно настроенные народы даже вашего диссидента не отличают от врага.

Марк подтвердил авторитетно:

– Дело в слепом подчинении жесткой иерархической си-

стеме. Банальность зла. Разрыв между осознанием собственной вины и – осуждением всех и вся.

Я спросил:

– Значит, только вне системы люди смогут жить нормально, полноценно? Ни тебе коммунизма, ни капитализма. Дело – в самом человеке.

– Да, зло не в народах, они состоят из людей, которые отстраняются от проблем или намагничиваются ненавистью. Никто не лишен добра, только обстоятельства разные, в одних – светишься от добра, а в других – озлобляешься на весь мир. Так что, свет и тьма есть, но они возникают в настроении, а не в чем-то безличном.

– Так будет всегда, – возразил Матвей. – Ничего вы не добьетесь.

– Понимаете, есть два типа людей: например, одни смотрят документальный фильм об Освенциме, пугаются и с отвращением переключают канал. Они, как правило, не выносят и чужие им мнения. Не любят расстраиваться, берегут себя. Другие же, подавляя слезы, анализируют суть зла, прислушиваются к чужим мнениям, восходят до мировых проблем и осмысляют их.

– Я тоже не люблю видеть тяжелое. Тем более злобные наскоки на страну. Зачем осмыслять? Отключился, и все.

Магистр строго посмотрел на нас.

– Вот мы и займемся воспитанием усилия, чтобы осмысливать себя и жизнь. Начнем с вопроса: когда появляется по-

требность искать выход? Не по мелочам, а – всей судьбе?

Петр сказал:

– Когда семья голодная, недоедает.

Матвей нехотя бросил:

– Может быть, недовольство фигней, что происходит во-
круг? Гибридная война, например.

– Вот-вот, тревога за будущее. А еще?

Марк быстро ответил:

– Когда хочется сбросить к чертям изнурившую душу Си-
стему!

– Но, но! – пригрозил Матвей. – Не трогай Систему!
Хочешь бессмысленной и беспощадной революции "желтых
жилетов"?

Магистр поморщился.

– Диссиденты в шестидесятых бросались на амбразуру.
Противостоять проще, чем изменить натуру человека путем
внутренней духовной работы.

Марк был уязвлен.

– Жертвовать собой ради идеи – легче? Это самое труд-
ное, все другое – от трусости.

И надулся. Матвей возмутился:

– Зачем мне потребность искать какой-то выход? Разве
можно осуждать, что человек просто живет, и ничего не на-
до, только чтобы семье было хорошо?

– Фашистский народ тоже просто хотел жить, – не вытер-
пел Марк.

– Фу, как прямолинейно! – поморщился Магистр. – Да, обычные люди ни в чем не виноваты, за что их осуждать? Винить надо альфа-самцов, зомбирующих мозги. Правда, они из того же народа.

Магистр объявил:

– Мы забываем в повседневной текучке, что есть начало и конец. Чтобы помнить, что вы на земле не вечны, проведем экскурсию. Это нужно для восприятия дальнейшего курса наших уроков.

Мы отсидели свои зады на партах, устали от занудства Магистра, и весело встретили практические занятия.

Он привел нас... на кладбище на краю города, недалеко от нашей усадьбы.

По пути он говорил:

– Я посетил многие кладбища мира. И на меня легла постоянная тень глубокой грусти о судьбе человека, и его земной глупости.

Мы бродили мимо монументальных памятников с барельефами белых ангелов в виде полуголых детей, горестно наклоняющихся над некрасивыми по земному лицами усопших. Удивляли помпезные огороженные глыбы с выбитыми в них чудовищными барельефами братков, погибших при разборках за захват значных мест и предприятий. Трогали

более скромные замшелые памятники с надписями: "Герой социалистического труда...", "Профессор такой-то", «Гвардии подполковник Краснознаменного...», и совсем завалившиеся безымянные кресты.

Магистр сказал:

– Это уже приметы времени. Мертвые не принадлежат семье – они принадлежат государству.

На одном покосившемся камне было выгравировано:

«Говорила тебе я, ты не ешь грибов, Илья.

Не послушал, и покушал, а теперь вина твоя».

Мы злорадно перешептывались:

– Это его чувство начала и конца?

Магистр услышал, и проворчал:

– Разве вас не поражает трагедия жизни и смерти? Не накатывает любовь к жизни, к близким, и мысли всерьез – о ценностях в жизни человека? Думайте об этом огромном кладбище смертей! Если посчитать, то на этой планете сейчас живут 8 миллиардов людей, и все умрут. А сколько поколений вымерло с начала цивилизации? Жуть! И что, зря в землю ушли? Ушли тела, а не бессмертное сознание, воплощенное в культуре и вещах. Это история, которая не погибла, – нити страданий и надежд, а также глупостей исходят оттуда и влияют на современность и будущее. А недавние захоронения – на родственников буквально.

Дальше была группа могил с обелисками захороненных

"афганцев" с одинаковыми датами смерти. На одном из них был медальон с изображением улыбающегося парня в солдатской форме и панамке.

Бухгалтер Петр перекрестился. Завхоз Матвей снял кепку. Марк посерьезнел.

Я молча стоял у этих могил, с неясным чувством, которое позже выразил в стихах:

*Сельское кладбище... Тихо, вне наших метаний.
Это – живым обрыв неизвестный, без дна.
Гордые памятники с суетной вязью прощаний
и, без слов, лишь крестной беды глубина.
Вот обелиск, на фото – солдатик в панаме,
смотрит – эпохой неискоренимо живой.
Кто он? Как надежду вернуть его маме?
Что прибавлено им к надежде земной?
Я забыл, что бывают такие пределы
боли неразрешимой, и только лишь полдень
один —
тем дорожке, чем кратче в себе его держишь,
этой горькой малиной, не для потребленья, томим.*

Перед нами мысленно проходили сотни тысяч мертвецов, молчаливых, словно в неизвестной для живых бездне. Наверно, многие из них карабкались на вершину горы Сизифа, и где их усилия?

– Бессмертные сознания – везде, – услышали мы голос Магистра. – Не только в слове и краске, но во всех вещах, которые сотворила цивилизация. Я привел вас сюда, чтобы вы ощутили дуновение времени, и связь эпох. Правда, выйдете и забудете, увы!

На душе было что-то тяжелое и светлое, не похожее на чувство к живым родным в семье.

Когда мы выходили из этого печального места, Магистр сказал удовлетворенно:

– Это вам для затравки. Чтобы иногда помнили, что есть жизнь и смерть. Кто – мы? Откуда – мы? И что с нами происходит?

Магистр обратился к нам, подготовленным впечатлениями кладбища.

– Борис Пастернак писал о томительности жизни: "Как усыпительна жизнь! Как откровенья бессонны! Можно ль тоску размозжить о мостовые кессоны?" Хотите вырваться из вашего узкого кругозора на широкий простор познания, размозжить тоску о мостовые кессоны? Чтобы у вас возникла сама потребность искать, жажда испытать чуда иных измерений.

– Пожалуй, хотим, – согласился Матвей и подумал: «Валляй, Емеля?»

– Это можно, – охотно откликнулся Юдин.

– В моем лежбище тоже есть смутный запрос, – добавил Марк.

Я не ждал ничего нового.

– В глубоком знанье жизни нет.

Магистр говорил с усилием, словно преодолевая нашу тупость.

– Это не то, что вырваться в совершенно отвязанную свободу, когда смотришь из нее на мир – и он кажется нелепым, смешным. Разве мы выбираем, кого любить, во что верить, чем болеть? Говорят, мол, любовь – деспотична, сво-

бода – негативна и предполагает отсутствие, пустоту. Свобода – осознанная необходимость? Этой проблемы не существует, если эта необходимость – на крыльях любви. Любовь освобождает, уносит в безграничную свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.